
Собиратели ракушек

•

Возвращение домой

•

Сентябрь

•

Под знаком Близнецов

•

Дикий горный тимьян

•

Карусель

•

В канун Рождества

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

В КАНУН
РОЖДЕСТВА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
П 32

Rosamunde Pilcher
WINTER SOLSTICE

Copyright © 2000 by Rosamunde Pilcher
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Архангельской,
Майи Тугушевой, Ирины Шевченко

Оформление обложки Владимира Гусакова,
Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-24267-8

© И. П. Архангельская (наследник),
перевод, 2002
© М. П. Тугушева, перевод, 2002
© И. В. Шевченко, перевод, 2002
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство АЗБУКА®

ЭЛФРИДА

Прежде чем навсегда покинуть Лондон и уехать в деревню, Элфрида Фишпс посетила приют для собак в Баттерси и возвратилась оттуда с четвероногим компаньоном. Найти его было нелегко, это заняло душераздирающие полчаса, но как только она его увидела — он сидел в клетке у самой решетки и смотрел на Элфриду своими черными ласковыми глазами, — она поняла, что это тот, кто ей нужен. Элфрида не хотела большого зверя или какую-нибудь истеричную болонку. Пес был как раз подходящего размера. Нормальная собака.

Он был лохматый, густая мягкая шерсть падала на глаза, уши то вставали торчком, то опадали, а хвост увенчивала роскошная кисточка.

Окрас — коричневые и белые пятна вразброс, без какой-либо симметрии. Коричневые, в точности цвета какао с молоком. На вопрос о его породе служительница ответила, что, по ее мнению, это помесь сторожевого колли с бородатым колли. А может, с примесью и еще каких-то пород. Элфриду это не занимало. Ей понравилось выражение его морды — он был добрый.

Она пожертвовала приюту умеренную сумму, и новый приятель, сидя на заднем сиденье ее старенького автомобиля и с довольным видом поглядывая в окошко, уехал вместе с ней. Похоже, начало новой жизни ему нравилось.

Назавтра Элфрида отвела его к собачьему парикмахеру — стричься, мыться и сушиться. Он был возвращен ей

пушистым, свежим, источающим приятный лимонный аромат. В ответ на такое изысканное внимание он как мог продемонстрировал благодарность, преданность и обожание. Пес был скромен, даже несколько робок, но и в храбрости ему нельзя было отказать. Едва раздавался звонок в дверь, как он сначала заливался оглушительным лаем, а затем прятался в свою корзину или прыгал на колени к Элфриде.

Имя ему она нашла не сразу, но в конце концов выбрала: Горацио. «Мой друг Горацио».

День был хмурый, унылый, ничем не примечательный. С деревьев слетали последние листья, дул холодный пронизывающий ветер — обычно такие ветра в октябре еще не дуют, — и даже самые ревностные садоводы предпочли остаться дома; улица была пуста, дети еще были в школе. По небу нескончаемой чередой неслись низкие облака. Элфрида шла быстрым шагом, за ней без особой охоты семенил Горацио, как видно понимая, что другой прогулки сегодня не будет и, следовательно, придется довольствоваться этой.

Сюда, в деревню Дибтон в Гемпшире, Элфрида приехала полтора года назад. Здесь для нее началась новая жизнь. Поначалу она чувствовала себя немного одиноко, но теперь и представить не могла, что поселилась бы в каком-то другом месте. Время от времени кто-нибудь из ее старых подруг по театру отважно пускался в путь, чтобы навестить ее. Спать гостье приходилось на старой бугристой кушетке в задней комнатке, которую Элфрида называла своей мастерской. Здесь стояла швейная машинка, на которой она шила диванные подушки для интерьерного салона на Слоун-стрит, зарабатывая себе на мелкие расходы.

Уезжая, подруги настойчиво допытывались: «Ты довольна, Элфрида? Не хочешь вернуться обратно в Лондон?» И она не кривила душой, успокаивая их: «Вполне довольна. Здесь мое стариковское убежище. Здесь я проведу сумерки жизни».

Теперь все тут было ей хорошо знакомо. Она знала, кто живет вот в этом доме или вон в том коттедже. Люди обра-

щались к ней по имени: «Доброе утро, Элфрида» или «Славный сегодня денек, миссис Фиппс». Жизнь некоторых из ее соседей была прочно связана с Лондоном: каждое утро глава семейства спешил на скоростной поезд, а поздно вечером возвращался домой, в Дибтон. Другие прожили здесь всю свою жизнь — в маленьких кирпичных домах, принадлежавших когда-то их отцам, а еще раньше дедам. Были в Дибтоне и вовсе новички — рабочие из соседнего городка, недавно вселившиеся в новые муниципальные дома на окраине деревни. В общем, ничего примечательного, обыкновенная деревушка. Как раз такая, в какой и хотелось поселиться Элфриде.

Она миновала пивную, подновленную и несколько модернизированную в духе времени — кованая железная вывеска, просторная автомобильная стоянка. Теперь пивная называлась «Дибтонский каретный двор». Затем Элфрида прошла мимо церкви, стоявшей в окружении тисов, мимо кладбищенских ворот и доски для объявлений, на которой трепетали на ветру листочки, извещавшие о приходских новостях: концерт гитариста, пикник для малышей с мамами. На церковном дворе служитель развел костер, в воздухе тянуло дымком от тлеющих листьев. Над головой кричали грачи. На одном из столбов калитки сидел кот, к счастью, Горацио его не заметил.

Улица сделала поворот, и в конце ее, за новым безликим одноэтажным домом священника, открылась деревенская лавка с развевающимися над ней рекламными флажками. У входа болтались без дела три паренька с велосипедами, почтальон вытряхивал содержимое почтового ящика в свой красный пикапчик.

Витрина была забрана решеткой — чтобы юные вандалы не смогли разбить стекло и украсть коробки печенья и аккуратно расставленные баночки консервированной фасоли. Миссис Дженнингс гордилась своей витриной. Элфрида поставила корзинку и привязала Горацио к решетке, чем явно его огорчила. Псу очень не нравилось, когда его оставляли

на тротуаре на милость глумливых юнцов, но миссис Дженнингс не пускала собак в свои владения. Она говорила, что они грязные животные и все время задирают лапу.

Внутри было тепло и светло. Тихо жужжали холодильники и морозильники, ярко светили лампы дневного света, товары были разложены на стеллажах, на современный манер. Грандиозные преобразования были произведены несколько месяцев назад, и миссис Дженнингс утверждала, что теперь у нее мини-маркет. Из-за этих стеллажей трудно было сразу увидеть, кто еще пришел за покупками, и, только завернув за стенд с растворимым кофе и чаем, Элфрида углядела возле кассы знакомую спину.

Оскар Бланделл! Элфрида уже вышла из того возраста, когда вдруг радостно вздрагивает сердце, но Оскара ей всегда приятно было видеть. Он был едва ли не первым, с кем она познакомилась в Дибтоне. В воскресное утро она пошла в церковь, и, когда кончилась служба, викарий остановил ее на паперти — от свежего весеннего ветерка волосы у него стояли торчком и белая сутана развевалась, как простыня на веревке во дворе. Он сказал Элфриде несколько приветственных слов, намекнул насчет вступления в «Женский институт»¹ и участия в изготовлении искусственных цветов, но затем, слава богу, перевел разговор.

— А вот и наш органист, Оскар Бланделл, — сказал он. — Не постоянный органист, а палочка-выручалочка в трудные дни. И отличная палочка-выручалочка.

Элфрида повернулась и увидела, что из темного нутра церкви на залитую солнцем папёрть выходит мужчина. Мягкое улыбающееся лицо, полуприкрытые веками глаза, седая шевелюра, которая, похоже, когда-то была просто светлой.

Он оказался того же роста, что и Элфрида. Обычно она возвышалась над мужчинами — под шесть футов и худа, как

¹ «Женский институт» — организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности.

щепка, — но Оскару она смотрела глаза в глаза, и ей понравился его взгляд. По случаю воскресенья он был в твидовом костюме и при галстуке. Ей было приятно его рукопожатие.

— Как это здорово — играть на органе. Это ваше хобби?

— Нет, моя работа. Моя жизнь, — ответил он вполне серьезно, но тут же улыбнулся и тем самым смягчил некоторую высокопарность своих слов. — Это моя профессия, — пояснил он.

Прошло дня два, и в домике Элфриды раздался первый телефонный звонок.

— Здравствуйте, говорит Глория Бланделл. В воскресенье после службы вы познакомились с моим мужем. Он органист. Приходите-ка в четверг к нам на обед. Мы живем в Грейндже. Красный кирпичный дом с башенкой, в конце деревни.

— Мне очень приятно ваше приглашение. Приду с удовольствием.

— Как вам на новом месте?

— Обживаюсь понемногу.

— Отлично. Значит, в четверг увидимся. В семь тридцать — чуть раньше, чуть позже.

— Спасибо огромное, — сказала Элфрида, но на другом конце линии уже положили трубку. Судя по всему, миссис Бланделл не любила тратить время попусту.

Грейндж был самым большим домом в Дибтоне. Он стоял в стороне от дороги, в конце подъездной аллеи, которая начиналась от весьма претенциозных ворот. И сам дом, и ворота не очень-то сочетались с Оскаром Бланделлом, но будет интересно пойти к ним, познакомиться с его женой, посмотреть, как они живут. Людей не узнаешь по-настоящему, пока не посмотришь на них в их собственном доме. Увидишь обстановку, книги, поймешь стиль их жизни.

Утром в четверг Элфрида вымыла голову и подновила цвет волос. Вообще-то, этот оттенок назывался «рыжеватая блондинка», но иногда был ближе к оранжевому. На этот

раз именно таким он и получился, однако Элфриду волновала более важная проблема: что надеть? В конце концов она выбрала цветастую юбку по щиколотку и длинный трикотажный кардиган зеленого цвета. Сочетание рыжих волос, цветастой юбки и кардигана выглядело довольно экстравагантно, но это прибавляло ей уверенности в себе.

Элфрида двинулась в путь. Десятиминутная прогулка вдоль центральной улицы, и вот она уже прошла через претенциозные ворота и по подъездной аллее. Редкий для нее случай, но она явилась вовремя. Поскольку это был ее первый визит в этот дом, она не стала отворять парадную дверь сама, не вошла в дом и не крикнула «Эй!», как делала обычно. Она нажала кнопку звонка и услышала, как он зазвонил в глубине дома. Элфрида ждала, поглядывая по сторонам. Газон выглядел прекрасно, как будто его первый раз подстригли в этом году. Пахло свежескошенной травой и весенней прохладой.

Шаги... Дверь отворилась. Женщина в синем платье и цветном фартуке, явно не хозяйка дома.

— Добрый вечер. Если я не ошибаюсь, вы миссис Фиппс. Проходите, пожалуйста, миссис Бланделл сейчас будет, она поднялась причесаться.

— Я первая?

— Да, но как раз вовремя. Вот-вот подойдут и другие. Позвольте ваш жакет...

— Нет-нет, спасибо, я останусь в нем.

Не станешь же распространяться, что на шелковой блузке под жакетом дырка под мышкой.

— Гостиная...

Но их прервали.

— Вы Элфрида Фиппс! Простите, что не встретила вас...

Элфрида подняла голову. С огороженной балюстрадой площадки спускалась хозяйка дома — крупная дама, высокая и статная, в черных шелковых брюках и свободной, украшенной вышивкой китайской блузе. В руках у нее был стакан, наполовину полный. Похоже, виски с содовой.

— Я немного замешкалась, а тут еще телефонный звонок. Здравствуйте, — она протянула руку, — я — Глория Бланделл. Очень приятно, что вы пришли.

У Глории было открытое, румяное лицо, голубые глаза. Волосы, очевидно, подкрашены, но не в такой вызывающе яркий цвет, как у Элфриды.

— Спасибо за приглашение.

— Пойдемте к камину. Спасибо, миссис Масвелл. Надеюсь, остальные гости войдут без звонка. Вот сюда, миссис Фишпс...

Элфрида проследовала за хозяйкой в большую комнату в стиле тридцатых годов, обшитую панелями, с большим камином из красного кирпича, в котором ярко пылали поленья. Перед камином решетка, установленная на кожаном коврике, мебель современная — мягкие диваны и кресла с узорчатой обивкой. Шторы из темно-фиолетового бархата обшиты золотым шнуром, пол сплошь застелен толстыми яркими персидскими коврами. Ничего старого, потертого, поблекшего, все здесь дышало теплым веселым, бодрым комфортом.

— Вы уже давно здесь живете? — спросила Элфрида, стараясь не проявлять излишнего любопытства.

— Пять лет. Дом достался мне в наследство от моего дядюшки. Я всегда обожала это место, ребенком часто приезжала сюда. — Миссис Бланделл со стуком поставила стакан на ближайший столик и подошла к камину, чтобы подбросить туда еще одно большое полено. — Не представляете, в каком он был состоянии! Ковры истерты, побиты молю. Пришлось буквально все обновить. И конечно же, оборудовать новую кухню и добавить две новые ваннны комнаты.

— А где вы жили раньше?

— В Лондоне. У меня был дом в Элм-Парк-Гарденс. — Миссис Бланделл взяла свой стакан, отпила глоток и снова поставила стакан на столик. Она улыбнулась: — Для поднятия настроения. Когда у нас гости, я всегда делаю глоток другой, пока одеваюсь. Что вам налить? Хереса? Или джина

с тоником? Да, Элм-Парк-Гарденс — прекрасное место, изумительно красивое. И церковь Святого Биддольфа, где Оскар был органистом, в десяти минутах ходу. Думаю, мы там и остались бы до конца жизни, но мой дядя, старый холостяк, как говорится, отправился к праотцам — так у меня появился Грейндж. И у нас уже была Франческа, наша дочь. Сейчас ей одиннадцать. Я всегда считала, что ребенку лучше расти в деревне... Что там делает Оскар? Это он должен наливать нам. Видно, зачитался и забыл про все на свете. Придут гости — знакомиться с вами. Чета Макгири. Он работает в Сити. И еще — Джоан и Томми Миллс. Томми — консультант в нашей больнице в Педбери. Прошу прощения, вы сказали херес или джин с тоником?

— Джин с тоником, — ответила Элфрида и проследила взглядом, как Глория Бланделл подошла к заставленному графинами столу в дальнем конце комнаты.

Глория щедро плеснула виски себе в стакан.

— Это вам. — Она передала бокал Элфриде. — Надеюсь, достаточно крепко. Вы любите со льдом? А теперь давайте-ка сядем. Устраивайтесь поудобнее и расскажите мне о вашем коттедже.

— Ну... он маленький.

Глория рассмеялась:

— На Пултонс-роу, как я слышала? Их строили для железнодорожников. Очень тесный?

— Да нет, на самом деле нет. Мебели у меня почти никакой, а мы с Горацио много места не занимаем. Горацио — это мой пес. Метис. Не красавец.

— А у меня два китайских мопса, вот они-то уж точно красавцы, да только кусают гостей и потому в данный момент заперты на кухне, сидят там в компании с миссис Масвелл. Но каким это образом вы попали в Дибтон?

— Увидела объявление в «Санди таймс». И фото. Мне коттедж показался очень милым. И недорогой.

— Я непременно должна прийти посмотреть. Давно не была внутри такого домика — с тех пор как навещала вдову станционного служителя. А чем занимаетесь?

— Простите, не поняла?

— Возделываете сад? Играете в гольф? Совершаете благочестивые дела?

Элфрида чутьочку помедлила с ответом. Перед ней была сильная женщина, таких она угадывала сразу.

— Пытаюсь привести в порядок сад, но пока что дело ограничивается расчисткой.

— Увлекаетесь конным спортом?

— Никогда в жизни не садилась на лошадь.

— Откровенный ответ! Я увлекалась, пока мои сыновья были мальчишками, но это было так давно. У Франчески есть маленький пони, только, боюсь, она не очень-то им занимается.

— Так, значит, у вас есть и сыновья?

— О да. Уже взрослые, и оба женаты.

— Вот как...

— Я уже была замужем. Оскар — мой второй муж.

— Извините. Я не поняла.

— Не извиняйтесь, все в порядке. Мой сын Джайлз работает в Бристоле, а Кроуфорд — в Сити. Компьютеры или что-то там еще — я в этом мало разбираюсь. Конечно же, Оскара мы знали много лет. Наша церковь — на Рэли-сквер, церковь Святого Биддульфа. На похоронах моего мужа Оскар играл просто божественно. Вы не представляете, как все были удивлены, когда мы с ним поженились! «Он же законченный холостяк, — говорили мне, — ты отдаешь себе отчет, какую взваливаешь на себя обузу?»

Элфрида была заинтригована.

— Оскар всегда был музыкантом? — спросила она.

— Всю жизнь. Учился пению в Вестминстерском аббатстве, потом стал преподавать музыку в Гластонберийском колледже, несколько лет был там хормейстером и организмом. Потом переехал в Лондон и поступил на место органиста в церкви Святого Биддульфа. Наверное, так там и служил бы, пока его не вынесли бы вперед ногами, но тут умер мой дядюшка, и судьба распорядилась иначе.

Элфрида немного огорчилась за Оскара.

— А он был не против отъезда из Лондона?

— Очень даже против. Как будто вырывали с корнями старое дерево. Но ради Франчески делал вид, что все прекрасно. А здесь у него есть своя комната, там все его книги и партитуры, он немного преподает — просто чтобы не терять форму. Музыка — это его жизнь. Он всегда радуется, когда его просят поиграть на заутрене в дибтонской церкви. И конечно же, он нередко играет там тайком, чтобы попрактиковаться.

Дверь за спиной Глории тихонько отворилась. Она заметила, что Элфрида отвлеклась, повернулась в кресле и бросила взгляд через плечо.

— А, вот и ты, старина. Мы как раз говорим о тебе.

Тут нагрянули другие гости, все сразу. Они сами отворяли парадную дверь, и дом наполнился их голосами. Бланделлы вышли навстречу гостям, и на минуту-другую Элфрида осталась в гостиной одна. Вот бы улизнуть сейчас домой, подумала она, провести вечер в одиночестве, поразмыслить над тем, что сейчас узнала. Но, конечно же, это невозможно. Она еще не успела отогнать от себя крамольную мысль, как хозяева уже вернулись. Гости двинулись в столовую, и обед начался.

Это был обед по всем правилам: обильный, с соблюдением традиций, с отличными кушаньями и превосходным вином. Начали с копченого лосося, за ним последовало замечательно приготовленное седло барашка, потом подали три пудинга, густые сливки и стилтон¹ с голубыми прожилками. За портвейном Элфрида не без удивления заметила, что дамы не покинули столовую, а остались с мужчинами. Сама она выпила два бокала воды, однако другие дамы с удовольствием пили портвейн.

Хозяйка, похоже, несколько перебрала спиртного. Как бы она не шлепнулась, когда придет время подниматься, за-

¹ *Стилтон* — сорт сыра, белого или с голубой плесенью.

беспокоилась Элфрида, но напрасно. Когда миссис Масвелл, заглянув в дверь, объявила, что в гостиной подан кофе, Глория твердым шагом повела гостей через холл в гостиную.

Гости расселись в кружок перед камином, Элфрида взяла с подноса чашечку кофе. Шторы не были задернуты, и в окне сияло сапфирово-синее небо. Весь день погода менялась: то припускал дождь, то ярко светило солнце, но пока все сидели за столом, облака рассеялись и в небе над дальним буком зажглась первая звезда. Элфрида с чашкой в руках присела на кушетку у окна и стала смотреть на звезды. Вскоре к ней присоединился Оскар.

— Как вы? — спросил он.

Элфрида повернулась к нему. Он был так занят во время обеда: наливал вино, собирал тарелки, раздавал восхитительный пудинг, что она не перекинулась с ним и двумя словами.

— Отлично. Очень приятный вечер. Ваши нарциссы скоро распустятся.

— Вы любите сад?

— Люблю, хотя и не очень опытна в этом деле. Но ваш так и манит в нем прогуляться.

— Хотите посмотреть все поближе? Еще не очень стемнело.

Элфрида оглянулась. Гости удобно расположились у огня, и разговор не умолкал ни на минуту.

— Да, хочу, но не сочтут ли это невежливым?

— Ни в коей мере.

Оскар взял из ее рук чашку и отнес обратно на поднос.

— Мы с Элфридой хотим прогуляться по саду, — объявил он.

— Сейчас? — удивилась Глория. — Уже темно и холодно.

— Не так уж. Мы на десять минут, не больше.

— Хорошо, только позаботься, чтобы Элфрида не замерзла. В саду так сыро и зябко. А вы, дорогая, не разрешайте ему задерживаться надолго...

— Хорошо.

Оживленный разговор у камина возобновился. Речь шла о том, как чудовищно подскочили цены в частных колледжах.

Элфрида и Оскар вышли в холл. Оскар неслышно прикрыл дверь и взял с кресла кожаное пальто с меховой подстежкой.

— Позаимствуем у Глории, — сказал он и закутал в него Элфриду. Затем отворил наполовину застекленную парадную дверь, и они вышли в холод и прозрачную чистоту весеннего вечера.

В сумеречном свете неясно вырисовывались кусты и бордюры. В конце газона проходила кирпичная стена, посередине ее рассекал арочный пролет с красивой калиткой из кованого железа. Оскар распахнул ее, и перед ними предстал огороженный стеной сад, четко поделенный живой изгородью на четыре участка. Один из них занимали розы, аккуратно обрезанные и удобренные. Когда настанет лето, здесь будет чем полюбоваться.

Элфрида глядела на этот с любовью обихожженный розарий с завистью.

— И все это ваша работа?

— Нет-нет. Я только планирую, но у меня есть помощник.

— Я не сильна в ботанике. Настоящего сада у меня никогда не было.

— Моя матушка никогда не терялась в таких случаях. Если ее спрашивали, как называется цветок, она с уверенным видом заявляла: *Inapoticum Forgetanamia*¹. Это почти всегда срабатывало.

— Надо мне это запомнить.

Они шли бок о бок по широкой, покрытой гравием дорожке.

— Надеюсь, за обедом мы не очень утомили вас своими разговорами?

— Нет, нисколько. Напротив, мне было очень интересно. Я люблю слушать.

— Сельская жизнь. Сплошные интриги.

— Скучаете по Лондону?

— Иногда очень. По концертам и опере. По моей церкви Святого Биддульфа.

¹ «Как называется — не помню» (лат.).

— Вы верующий человек? — неожиданно спросила Элфрида и тут же пожалела о своей импульсивности. Слишком рано задавать такие личные вопросы.

Но Оскар отреагировал спокойно.

— Не знаю. Но большая часть моей жизни связана с духовной музыкой, литургиями и магнификатами¹ англиканской церкви. Мне неуютно жить в мире, где некого благодарить.

— Вы имеете в виду — за благодеяния?

— Именно.

— Понимаю. Хотя я совсем нерелигиозна. В это воскресенье я пошла в церковь только потому, что мне не хватает общения с людьми. Не ожидала, что услышу такую дивную музыку. Никогда прежде не слышала «Te Deum» в подобной аранжировке.

— Орган тут новый. Прихожане провели немало благотворительных ярмарок, чтобы собрать деньги на его покупку.

Минуту-другую они шли молча. Потом Элфрида сказала:

— Вы приняли это как дар Божий? Я имею в виду новый орган?

Оскар засмеялся:

— Вы словно маленькая собачка, которая все грызет и грызет свою косточку. Конечно же, именно так.

— Ну а что у вас здесь есть еще?

Он ответил не сразу. Элфрида думала о Глории, об их роскошном комфортабельном доме, о его музыкальной комнате, друзьях, материальном благополучии. Интересно было бы узнать, как случилось, что Оскар женился на Глории. Долгие годы холостяцкой жизни, ученики, скудный заработок, пыльные классы академии... Может быть, он испугался одинокой старости и нашел простейший выход? Богатая, волевая вдова, рачительная хозяйка, хороший друг, заботливая и умная мать. Или это Глория выбрала его и приняла решение? А может быть, они страстно влюбились друг в друга? Как бы там ни было, свадьба состоялась.

¹ *Магникат* — церковное песнопение на текст из Евангелия.

Возникла долгая пауза. Потом Элфрида сказала:

— Не хотите отвечать, не отвечайте.

— Я просто думаю, как бы это лучше объяснить. Женился я поздно, у Глории уже были сыновья от первого брака. Не знаю почему, но мне никогда не приходило в голову, что у меня будет свой ребенок. Когда родилась Франческа, я был потрясен: не просто потому, что появилось на свет божий крохотное человеческое существо, но и потому, что она была так прекрасна. И она была моя. Самая-самая близкая. Как будто я знал ее всегда. Это было чудо! Сейчас ей одиннадцать, и я по-прежнему не верю в свое счастье.

— Она здесь? Дома?

— Нет, в школе-интернате. Завтра вечером заберу ее на выходные.

— Мне бы очень хотелось с ней познакомиться.

— Вы познакомитесь. Хочется думать, она вас очарует. Когда Глория унаследовала этот домик, я противился как мог — не хотел уезжать из Лондона. Но уступил ради Франчески. Здесь простор и свобода. Деревья, запах трав. Есть место, где расти. Простор для кроликов, морских свинок и пони.

— А для меня, — сказала Элфрида, — самое прекрасное — это пение птиц поутру и большое небо.

— Вы тоже, как я понимаю, совершили побег из Лондона?

— Да. Пришло время.

— Расставание было тяжелым?

— В какой-то мере. Я прожила в Лондоне всю жизнь. С того самого дня, когда ушла из школы и из дома. Я стала актрисой. К ужасу родителей. Они так и не смирились. Но мне было все равно.

— Актриса... Я мог бы догадаться.

— И певица тоже. И танцовщица. Пела и танцевала в ревю и американских мюзиклах. Вообще-то, я всегда стояла в заднем ряду хора — из-за своего роста. Потом работала на телевидении, участвовала в телеспектаклях. Но я не знаменитость.

Пилчер Р.

П 32 В канун Рождества : роман / Розамунда Пилчер ; пер. с англ. И. Архангельской, М. Тугушевой, И. Шевченко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 544 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-24267-8

По воле случая перед Рождеством в старом провинциальном доме собирается пестрая компания — пятеро человек разного возраста, разных занятий и интересов. Один пережил тяжкую утрату, у другой разбито сердце, третий на грани развода... В общем, у каждого свои горести и печали. Но может, их развеет тепло горящего камина, аромат только что сваренного кофе и дальний рокот прибоя? Пять историй сплетаются в одну рождественскую сказку, тихую, как падающий снег за окном. Это волшебное время, канун Рождества, всем дарит обещание счастья, и само ожидание чуда становится лучшим рождественским подарком...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

РОЗАМУНДА ПИЛЧЕР
В КАНУН РОЖДЕСТВА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ирина Сологуб, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.07.2023. Формат издания $76 \times 100^{1/32}$.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 23,97.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBB-33230-01-R